Искусство чтения

ВСЕ ВИДЫ НАСИЛИЯ

Екатерина Манойло. Отец смотрит на запад. М.: Альпина нон-фикшн, 2023. — 272 с.

«Отец смотрит на запад» — дебютный роман Екатерины Манойло. В июне 2022 года Екатерина Манойло получила первое место премии «Лицей» в номинации «Проза», а также победила в номинации Rideró «Выбор книжных блогеров».

В центре романа — девочка Катя, рассказ ведется о ее детстве в маленьком поселке на границе с Казахстаном. Эта граница сопровождает Катю во всем: граница стран, граница культур, граница религий. Родители — русская мать и отец-казах — тоже «одаривают» дочь этим пограничным состоянием: не принадлежащая полностью ни одной из культур, чужая и для русских, и для казахов, и для православных, и для мусульман, она остается брошенным, ненужным ребенком даже в собственной семье — сестра отца, грубая Аманбеке наделяет племянницу обидным прозвищем Улбосын — своеобразным заклинанием на сына:

> Имя Улбосын в поселке давали старшим дочерям в семьях, где ждали наследника. Имя означало «Да будет сын», и каждый день и час оно звучало как молитва.

Все Улбосын, не имея прямого родства, походили друг на друга сутулостью, мягкостью форм и всегда виноватым взглядом.

Молитва сработала, вскоре в семье рождается Маратик — долгожданный сын, но счастье оказывается недолгим: в три года Маратик трагически погибает. С его похорон и начинается роман. Так в жизни Кати появляется еще одна граница — граница жизни и смерти. Однако Маратик не исчезает со страниц книги, его песенки, а иногда и образ, сопровождают героев и читателя. Словно являясь противоположностью Недотыкомки из романа Федора Сологуба «Мелкий бес», инфернальная, но все же положительная сущность Маратика одним героям помогает песней, выводит на верный путь, другим обещает заслуженную кару.

Помимо мистики роман наполнен жестокой реальностью и бытовым колоритом. Тщательно выписанные сцены разделки мяса, готовки национальных блюд, подробные описания цветных корпе в доме, устоев и обычаев местного общества, выделяется и язык — смесь русского с казахским, кажется, что легкий восточный акцент героев можно услышать даже через страницы.

Однако за всем этим национальным колоритом читатель встречает привычную историю о домашнем насилии и отсутствии у женщины каких бы то ни было прав и свобод в патриархальном мире. Насилие сопровождает Катю во всех формах и видах. Мать после смерти Маратика еще глубже уходит в православие и забрасывает семью, проводя все время в местной временной церквушке-вагончике, а потом и вовсе отдает все сбережения семьи на строительство храма, а сама уезжает (читай — сбегает) в монастырь, пытаясь *«отменить жизнь, которой она жила до этого вагончика»;* отец-дальнобойщик Серикбай либо пьет и бьет Катю выбивалкой для ковра, либо постоянно находится в длительных рейсах; Тулин, сын тетки Аманбеке, двоюродный брат Кати, обижает ее в школе, а одноклассники дразнят за неухоженный внешний вид и грязную одежду. Казалось бы, дальше будет только хуже. Но, как Бог из машины, в нужное время в истории появляется светлое пятно — бабушка из Москвы. Словно фея-крестная из сказки, столичная учительница истории Ирина Рудольфовна выдергивает Катю из грязи приграничного поселка в прямом и переносном смысле, буквально выкрадывая девочку из дома, пока отец не успел приехать из рейса:

Катя показала на два колченогих стула в углу, заваленных выцветшими тряпками. Потом выпрыгнула из халата и, выудив из-под стула мятую футболку на вырост, быстро ее натянула. Только теперь, при дневном свете, Ирина Рудольфовна разглядела темные узоры на спине внучки.

— А это от той штуки, которой ковры выбивают! Папа меня бьет, — беспечно объяснила девочка.

— Катя, хочешь, уедем прямо сегодня? — неожиданно для самой себя спросила бабушка.

— Хочу! — выпалила Катя, не задумываясь.

Московская жизнь Кати почти не описывается: наскоро рассказывается, как с бабушкой у Кати наладилась жизнь, появилось любимое хобби — записывать на диктофон различные звуки, позже переросшее в работу звукорежиссером. На фоне застойной, жестокой, патриархальной жизни в поселке жизнь Кати в Москве кажется раем, пределом мечтаний для ребенка, вырвавшегося из физического и морального насилия семьи и, наконец, почувствовавшего долгожданную свободу. На самом деле взрослая жизнь Кати в Москве уже не так похожа на сказку: зарплату на работе задерживают, за квартиру платить нечем, и грубый хозяин квартиры не только отпускает сальные

комментарии, но и угрожает физической расправой за неуплату. Получается, невозможно вырваться из жестокости, у нее нет точки на карте, из которой можно просто уехать, круговорот насилия не заканчивается с переездом в другой город. Кроме того, теперь перед Катей остро встает квартирный вопрос.

Спойлер к новому витку истории содержится уже в названии романа — умирает отец Кати (мусульман хоронят головой к Каабе, то есть, по отношению к Казахстану, на запад). Свобода быстро остается позади. Когда Катя возвращается в родной поселок для оформления документов о наследстве, она снова приобретает кличку Улбосын. Здесь героиня вновь встречается с насилием: выросший Тулин крадет жену из соседнего поселка и избивает ее, а потом практически насилует Катю по дороге к могиле ее отца.

Финальное испытание — не только овладеть законным наследством, но и сохранить собственную жизнь оказывается непреодолимым без помощников — новоиспеченной жены Тулина, скромной красавицы Айнагуль, и Маратика, фактически выполняющего роль волшебного помощника из сказки.

Наделяя героиню своими именем и фамилией (Абатова — девичья фамилия автора), Екатерина Манойло оставляет для читателя малое поле для интерпретаций текста, и речь неизбежно заходит о таком популярном сейчас жанре автофикшна, однако автор неоднократно подчеркивала в интервью, что Катя хоть и наделена многими чертами писательницы и помещена в схожую среду, все же автобиографическим персонажем не является.

У Кати нет традиционного пути героя, да и героем ее назвать сложно. Слабому ребенку выпадает множество испытаний в жизни, но нельзя сказать, что они меняют Катю, делают ее жесткой и сильной. Она одерживает личную победу — спасает свою жизнь, в прямом смысле освобождаясь из склепа, но на этом ее становление еще не окончено, впереди еще много испытаний, пусть и не героических, а бытовых: от тяжб за отцовскую квартиру до обретения места в жизни по возвращении в Москву — открытый финал оставляет место для подобных гаданий. Но все же концовку можно назвать победой слабого над сильными, и победа эта одерживается при помощи тех качеств, которые старается изжить в себе уповающее лишь на жестокость и грубую силу патриархальное общество в лице Тулина и Аманбеке: доброты, сострадания, честности:

> Катя шагнула к Айнагуль и взяла ребенка на руки. Ощутила сладкую тяжесть детского тельца. Нежный запах тоненьких волос. Поцеловала пушистую макушку. Стало вдруг спокойно.

Мне кажется, что роман — крик души женщины, которая хочет рассказать о месте девочек, девушек и женщин в патриархальном мире, о положении вещей там, откуда она родом, о том, как до сих пор в России обстоят дела с «женским вопросом». Для этого романа оценка критика Павла Басинского («Эта проза написана твердым, „мужским“ почерком, без сантиментов и стремления читателя разжалобить») выглядит в некоторой степени издевательской. Мне совсем не трудно представить, что этот роман не будет понят частью читателей. Книга вышла недавно, но я уже встречала отзывы в духе: «Да что это за средневековые устои описаны, сейчас такого не бывает». К сожалению, бывает. Я сама выросла в маленьком городке в Сибири и видела, как живут люди вокруг, какие отношения выстраиваются в семьях моих подруг и одноклассниц. Неудивительно, что суровая проза окружающей реальности многим кажется недоступной женской руке.

Анна КИРСАНОВА